

CODE: БЕСЕДА С НАТАНОМ ЭЙДЕЛЬМАНОМ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ РОССИИ

ИТЕМ: **Собеседник**

№ 45 НОЯБРЬ 1989

12

Рисунки ИГОРЯ ГОНЧАРУКА.



## Натан Эйдельман: «Строим дом сверху...»

Для чего мы ворошим давно забытое прошлое? Просто удовлетворяем естественное любопытство! Или ищем аналоги, осознаем уроки, надеясь, что это охранит нас от повторения ошибок! И то, и другое, наверное... Очень уж не хочется «открывать велосипед» и повторять ошибки, за которые заплатились предыдущие поколения... Об этом — беседа с известным писателем и историком Н. Я. Эйдельманом.

**Н**атан Яковлевич, едва была обнародована ваша концепция революционных движений в России, которые начинались сверху, как она сразу вызвала оживленные споры. Хотелось бы знать, на чем она основана.

— Я только не стал бы говорить, что это концепция моя. Многие подмечали, что в русской истории многие коренные преобразования задумывались и осуществлялись сверху, то есть по инициативе государства. Между прочим, об этом твердили и Герцен, и Пушкин, и даже Петр I. Не надо быть слишком наблюдательным, чтобы подметить такую особенность России, в которой государство играет исключительную роль, роль экономическую и общественную, роль объедините-

ля. На Западе же государству отводится роль более служебная, вспомогательная. Иногда такое положение вещей способствовало развитию России, особенно когда велась борьба с неприятелем или шло объединение страны. Иногда это было ужасно, когда государственная сверхмощь была связана с террором, зажимом... Но мы сейчас рассуждаем даже не об этом. Важно другое — факт из русской многовековой истории, не подвергающийся сомнению — огромное, сверхмощное государство. Отсюда и револю-

ции сверху. А революция снизу — такая, как, например, была во Франции в 1789 году — означала бы схватку поднимающихся масс со страшной мощью государства.

— Перестройку часто называют революцией. Она тоже началась сверху!

— Перестройка в этом смысле не исключение. Хотя это, строго говоря, не революция, а, скорее, быстрая ломка. Если подходить формально, то это коренная, радикальная реформа, при которой существующее государство не свергается. Отсюда возможность бескровного пути, что уже хорошо. С другой стороны, нет ничего хорошего в том, что люди слишком уж поспешно, не подвергая критическому анализу, выполняют указания сверху.

— Так значит: пришел Горбачев — и начались у нас перемены, а если, не дай бог, он не пришел бы — все осталось по-прежнему!

— Конечно. И сохранялось бы, разумеется, до известной поры, но, может быть, еще весьма долго.

— Но за четыре года многое изменилось, народ «забродил»... Значит ли это, что революционная инициатива переместилась вниз!

— Безусловно. Да и всякое движение сверху, чтобы оно возымело успех, должно быть поддержано снизу, всеми массами, либо их частью. У нас дом хоть и строится с крыши, но без фундамента он не устоит и разрушится при первом же потрясении. Возьмите хотя бы реформы Петра Великого. Начатые сверху, они получили поддержку масс, хотя и немногочисленных, прежде всего дворянских, и возымели успех. Перестройка тоже делает ставку на привлечение масс. Движение снизу уже началось — это и кооперация, и съезд народных депутатов, и забастовки, и события, происходящие в республиках. На первый взгляд что между ними общего? Тем не менее это вещи одного порядка. Грубо говоря, это активизация людей в самых разнообразных формах.

— Народ-то всколыхнулся. Только почему-то этот подъем вызывает и тревожные мысли... Многих вообще пугает опасность взрыва масс.

— А что вы хотите? Народ, который десятилетиями жил в спячке или в полуспячке, вдруг проснулся по окрику, по инициативе сверху. Вполне понятно, что

одних положительных результатов от этого длительного сна мы ждать не можем. Есть в них и ужасные, кровавые стороны, например межнациональная рознь. Но все равно движение снизу, брожение масс уже не остановишь. Вопрос только в том, какие тенденции возьмут верх.

— Но получается, что мы опять полагаемся на волю случая. Неужели в мировой истории не было подобных ситуаций! А если были, разве они не смогли стать нам уроком!

CODE:

НАТАН ЭЙДЕЛЬМАН / 2 /

ITEM:

— понимаете, любое сравнение немножко хромает. Я всегда извиняюсь, когда начинаю проводить исторические параллели. Особенно когда сопоставляю разные века. Но здесь сравнение само идет в руки — исторические уроки нам преподносит Россия. Я имею в виду реформы 1861 года, освобождение крестьян и ряд политических преобразований. Это действительно очень похоже на то, что происходит у нас сейчас. Начато ведь было тоже сверху — Александр II и «его командой». И начато не от хорошей жизни. А у нас, что ли, от хорошей? В определенный момент тогда тоже встал вопрос, кто пойдет за реформами, кто их поддержит. Известная поддержка была со стороны либерального дворянства, интеллигенции, тех, кого мы называем земцами. Поддержали ли реформы крестьяне? В определенном смысле да, они просто не восстали, и вообще крестьянских восстаний не было потом 40 лет. Значит, крестьянская реформа кое-что все-таки дала. Но с другой стороны, у Александра II был уникальный шанс провести более глубокие преобразования, после которых не потребовалась бы смена власти. Но он его не использовал. А стоило только найти больший контакт с «низами», для начала с той же интеллигенцией, и Россия могла бы пойти по пути гибкой эволюции, как Англия. Между прочим, великий князь Константин, брат царя, уже тогда предлагал ввести Думу, как это было сделано полвека спустя. Но Александр дико боялся какого-либо парламента. Отсюда — потеря контакта с населением, отсутствие доверия масс. Начались «ожождения в народ», террор, революционное движение. «Верхи» в России никогда не могли это движение возглавить, включить его в свою систему, как это было в той же Англии.

— Вы уломили о возможности

эволюционного пути России...

— Я считаю, что если бы Россия пошла путем активной эволюции, а такой путь ей история предлагала, это ей пошло бы на пользу. Ведь были столыпинские реформы. Столыпин ведь что говорил: «Дайте мне 20 лет, и я преобразую Россию». Но ему не дали — Столыпин был убит. А затем первая мировая война, она-то и сыграла решающую роль. Страна дошла «до ручки», народ был вооружен. Потом последовали десятки миллионов жертв во время революции, гражданской войны, сталинизма. И хотя Россия стала могучей, гигантской державой, во многом события, начатые революцией 1917 года, и особенно сталинское время отбросили ее назад. Поэтому у меня нет сомнений, что выбирать — революцию или эволюцию!

— Поддерживаете ли вы в таком случае идею «первородства греха» революции, в которой скрываются корни сталинских кровопролитий и репрессий!

— Видите ли, идея «первородства греха» революции предполагает, что до революции все было хорошо, а грех в виде неблагоприятных средств для осуществления благородных целей принесла революция. Увы, это не так. Революция в сгущенном, страшном виде явилась продолжением многих тенденций, которые были в России за много веков до 1917 года. Та же роль государства, роль центра — это же все идет от средних веков. Или антибуржуазные настроения, которые до сих пор видны по борьбе с кооперацией. Ведь идея, что все должны быть пусть бедны, но равны, — она идет еще от древности, от общины. Роль государственности и отсутствие демократических традиций — раз. Уравнительные, или эгалитарные, традиции — два. Ну, и известный шовинизм, презрение к малым колонизированным народам — три. Вот таких три «чудесных» подарка достались стране от ее прошлого. А в сталинские времена они вовсе не исчезли, наоборот, даже в чем-то усилились. Что же касается самой революции, конечно, она явилась продолжением прошлого, но многое и сама породила.

— Какую роль в своей исторической концепции развития общества вы отводите интеллигенции, «мыслящему меньшинству»!

— Роль «мыслящего меньшинства» вообще-то в истории очень не проста. В России ему отводи-

лось исключительное место в связи с тем, что массы по существу были забыты и пассивны, а государство сверхмощно. Интеллигенция, всегда бывшая своеобразным противовесом авторитарности, стала поэтому, по словам Горького, помовой лошадей русской истории. Судьба ее была сложна во все времена. Царизм был известен своими антиинтеллигентскими настроениями, которые, к сожалению, усугубились в годы Советской власти. В этом, кстати, была главная ошибка предыдущих правлений. Ведь интеллигенция — это активная часть народных масс, и там, где она у власти, — относительно все в порядке. Это касается всех стран. Возьмите, к примеру, Испанию. Как только во времена инквизиции в ней стали преследовать мыслящих людей, страна сразу захирела, превратилась во второстепенную.

Смешно, конечно, противопоставлять интеллигентно массе, тем более смехотворно — это уже всем ясно — данная ей кличка «прослойка». Интеллигенты из рабочих, из крестьян, из дворян вменяют в себе то лучшее, что есть в народе. А когда интеллигенция забита — это ударяет по всему народу, по корням, чтобы дерево не выросло.

С другой стороны, неправильно идеализировать интеллигенцию. Я не согласен с теми, кто утверждает, что она исторически виновна в тех злодеяниях, которые творились при Сталине. Конечно, в первую очередь репрессии сказались на интеллигенции. Но нельзя забывать (и в этом весь ужас!), что интеллигенция сама тоже создала условия для собственной гибели. Поэтому я считаю: когда мы поем гимн интеллигенции, важно осознать и долю ее вины в исторических перипетиях.

— Значит, ставка Горбачева на интеллигенцию — это дальновидный шаг!

— Давайте разберемся. Начав реформы сверху, правительство Горбачева хочет инициативы снизу, стимулирует и не боится ее. Разумеется, не в такой форме, которая кончается кровопролитием. К стачкам, например, очень разумное отношение — идут на уступки. Даже прошел слух, что стачки инспирированы сверху. Это, конечно, ерунда. Но бесспорно, что стачечное движение пойдет на пользу реформам и перестройке. А вот межнациональные схватки, боюсь, ей способствовать не будут.

CODE: НАТАН ЭЙДЕЛЬМАН 131  
ITEM: -----

Горбачев — практик и видел, на кого опереться. Ведь человек, который берется за дело, сразу видит, с кем можно иметь это дело. Как практик он видел, что страна — и агроном, и инженер, и рабочий — бездействует. Огромное число людей занималось не тем, чем надо, и выдавало одну сотую того, что могло. Гигантская энергия, которая есть в народе и в интеллигенции, использовалась не по назначению. Сейчас совсем другое дело. Посмотрите, вдруг на политической арене появляются новые фигуры: вчера их не знали — Собчак, Гаер, другие. Разве раньше они смогли бы выявить свой потенциал?

— Не кажется ли вам, что все-таки есть и известное противостояние интеллигенции и массы? Разве не показательно, как большинство депутатов на съезде отнеслось к Сахарову?

— Что говорить, съезд отразил положение во всей стране, этим он и хорош. Да, «агрессивно-послушное большинство» было (хотя я бы снял слово «послушное» — сейчас все-таки меньше стали бояться), но из кого оно состояло — вот в чем вопрос. Трудно разделить народ и интеллигенцию. Вот, например, выходит на трибуну депутат Гаер. Кто она, интеллигент или масса? С одной стороны, да, она интеллигент, кандидат наук. А с другой — она голос народа. А противостояние это со временем будет размываться. Для того парламент и создан (от французского слова «говорить»), чтобы разные политические силы нашли общий язык. — Мне кажется, основное несомпадение в сознании «мыслящего меньшинства» и в массовом сознании — это вера последнего в силу власти, «царистская идеология», как ее называют. Не опасна ли она, не приведет ли к утверждению нового властелина!

— Вы говорите так, как будто у нас этой власти уже нет. Горбачев пришел, имея за собой гигантскую власть. Другое дело, что он сознательно ею делится, разумеется, сохраняя основную часть. Делится он с Верховным Советом, с другими государственными образованиями, справедливо видя, что избыток власти в наших условиях столь же опасен, как ее недостаток. Парадокс нашей жизни заключается в том, что, с одной стороны, нехорошо,

если власть сосредоточена в одних руках. Но плохо, это утверждают и западные политологи, если эта власть будет рассредоточена. Поскольку революция идет сверху, то пока надо, чтобы «верх» был силен. Стоит сейчас активной, прогрессивной верхушке потерять власть, как все может остановиться.

— Ну, хорошо, а так ли уж необходимо совмещать в одних руках партийную и государственную власть?

— Те, кто призывает Горбачева отдать пост Генсека, сами, наверное, не подозревают, о чем говорят. Или, наоборот, — хорошо понимают. Это будет означать, что вроде бы на деле демократия соблюдена. Но реально глава государства резко ослабит свой контроль над партийным аппаратом, который, как известно, еще весьма консервативен. Может образоваться двоевластие, и тогда неизвестно, кто кого. Правда, оптимальный вариант сильной власти на сегодняшний день вовсе не означает, что так будет всегда. Постепенно «верхи» сами должны, вполне осознавая это, делиться своей властью с «низами». Будет меняться структура в сторону усиления Верховного Совета. Это один процесс. Другой идет снизу. Как только поднимутся массы и появится контроль снизу в лице местных Советов, ситуация сразу изменится.

— А дальше! Не ждет ли нас польский вариант?

— Нет, в Польше совсем другое дело. Там движение сразу началось снизу — в среде рабочих, интеллигенции, католической церкви. «Верхи» тоже долго вели себя по-иному, отчаянно сопротивлялись, ввели военное положение. Поляки шутили: роль прогрессивного забастовки для нас, поляков, играет Горбачев. Кроме того, там нет национальных проблем. Но главное, конечно, это высокая сознательность рабочих. Я, признаться, вспоминал поляков, когда читал про дисциплинированность и сдержанность забастовок в Донбассе и Кузбассе. Прямо как в Польше. Знаете, один государственный деятель как-то пошутил, что русская революция всегда начинается с Польши...

— Временные параллели более удачны, наверное. Но если сравнивать текущий момент с событиями прошлого века, на арене

истории надо искать и просвещенную молодежь. Что-то ее пока не видно... Где вообще молодые государственные деятели!

— Не забывайте, что во всем мире наблюдается общее старение политиков. Но у нас сейчас все-таки произошло некоторое омоложение. Сильно омолодился Верховный Совет. На арену выходят «дети XX съезда» — это пятидесяти- и шестидесятилетние. Те, кто помоложе, как мы говорим, «дети застоя», пока в тени. Это сложное поколение, выросшее во лжи, не верящее в идеалы, продавленное. Особенно это видно по литературе: большая доля иронии и скепсиса. Но я верю, что произойдет обновление — подрастет поколение, которое сейчас учится. Я много выступаю в школах: впечатление противоречивое, но то, что школьники стали активнее, — это факт. Как ни крути, а один или несколько будущих лидеров сейчас сидят за партией...

— Вас не пугает возросшая преступность среди молодежи?

— Я сейчас скажу спорную вещь: преступность должна была возрасти, ведь это тоже форма активности. А то, что среди преступников в основном молодые, так это вопрос силы. Активный слой порождает активных разрушителей и активных создателей. Разрушители пока больше на виду, и образовалась такая видимая диспропорция. Но надежда все равно на молодых, старики-то в конце концов уйдут.

— А все-таки мне кажется, что среди молодежи пока больше неактивных. И «лишние люди» тоже есть. Это ведь может проявляться и в скрытой форме — уход от политики.

— Тут надо различать две вещи: «лишний» ты по своей воле или в силу обстоятельств. Раньше быть лишним означало одну из форм честного поведения в нечестное время. А сейчас все зависит от самого человека, и абсолютное молчание не оправдано обстоятельствами.

— Консерваторы и авангардисты есть в любом деле. Всегда ли авангардизм удел молодых?

— Не всегда. Конечно, революционный демократизм как форму авангардизма как-то легче связать с молодежью. Даже такой консерватор, как граф Бенкендорф, сказал: «Плох тот поручик, который не революционер, плох тот генерал, который революцио-

CODE:

НАТАН ЭЙДЕЛЬМАН 14 1

ITEM: -----

нер». В общем, это так. Но в политике все намного сложнее. Например, инициаторами реформ 1861 года были люди бывалые, пожилые, они занимали министерские посты. Да и у нас Горбачев возглавил государство именно в том возрасте, в котором Ленин умер. В политике нужна мудрость, которая не всегда свойственна молодым. Иначе неопытные молодые люди, которые сразу включаются в государственную деятельность, могут намолоть такого... Мы знаем, что такое комиссары первых отрядов революции, которым было по 17—18 лет,— они расстреливали людей пачками. Так что излишний авангардизм молодости может дать худший вид реакции, может дать кровопролития...

— Вы себя считаете оптимистом!

— Да, я оптимист, но не личный. Как человек я конечно же боюсь, что все задуманное Горбачевым может провалиться, отложиться лет на пятнадцать, что история может дать кругалю, что не исключены разного рода катаклизмы. Но я оптимист исторический. Я знаю, как идет история, как она прокладывает свой путь. Я верю в историю. Она придумала гениальные системы с обратной связью: рынок и демократию. Широкое развитие рынка — единственный путь в экономике. Широкое развитие демократии — единственный путь политики. Вы знаете, я вижу вполне реальный путь к демократии: удивительно демократизирует, как ни странно, техника. В мире происходит вторая промышленная революция, которую, кстати, мы проспали и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежнев. Она открывает новые горизонты, она удивительно объединяет страны. Техника становится всемирной, происходит ее рассекречивание и как следствие этого уравнивание, демократизация, конвергенция.

С рынком сложнее. Ведь когда Ленин объявил нэп, то еще был жив мужик, привыкший работать, а он составлял 70 процентов всего населения страны. Нэп быстро дал результаты, не надо было каких-то колоссальных усилий. Но с тех пор-то столько намолочено! Поэтому сейчас путь будет намного болезненней, с отступлениями, с движением назад, вперед, вправо, влево. Но другого-то пути нет.

Беседу вела

Мария Лукина.